

18+

ПО СЛЕДУ ХУДОЖНИКА

Ксения Мур

Ксения Мур

По следу художника

«Издательские решения»

Мур К.

По следу художника / К. Мур — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В центре сюжета — молодой следователь Александра Ткач, которой поручают расследование серии убийств молодых женщин. Все преступления объединяет необычная деталь: на месте каждого убийства находят загадочные рисунки. С каждым новым делом следователь всё глубже погружается в психологическую игру с преступником, где на кону — не только её карьера, но и собственная жизнь. Сможет ли она разгадать замысел «художника» и остановить череду смертей, или сама станет частью его последней картины?

© Мур К.

© Издательские решения

Содержание

Валера	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

По следу художника

Ксения Мур

© Ксения Мур, 2026

ISBN 978-5-0070-3148-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Монстры редко носят уродливые маски; чаще всего они улыбаются вам
при встрече.»*

Валера

Ее мышцы были полностью расслаблены, тело совсем обмякло, комната начала плыть. Она поняла, что умирает. Оказывается, умирать — это совсем не страшно. Именно в этот момент тебя уже ничего не тревожит, от тебя совсем ничего не зависит. И в особенности, когда ты давно понял, что все, что происходит в жизни своего ребенка, — это только твоя вина, только твое бездействие и бесхребетность породили такое чудовище! Но, несмотря на весь ужас происходящего, монстр, которого она родила, был к ней сейчас милосерден. Всего один маленький укол — и наконец свобода и безмятежность навсегда!

— Ты был таким прекрасным ребенком, что произошло с тобой, сынок? Как такое могло случиться?

— Да, мам, ты права. Я действительно был замечательным, но это никому не было интересно. Вас с отцом всегда интересовали только ваши отношения, в которых для меня не было места. Что бы я ни делал, как бы ни старался, отцу всегда всего было мало... Но я всегда был недостаточно хорош для вас. Вы считали, что если у меня есть еда, одежда, значит, у меня есть все необходимое, но это не так! Стоило мне немного оступиться, вы готовы были меня уничтожить, ведь у таких идеальных родителей не может быть плохого ребенка. Вас ведь всегда интересовало, что скажут люди, так?

— Это неправда, мы всегда любили тебя, для нас ты был центром вселенной, и я прощаю тебя.

— Спасибо, но в твоём прощении я не нуждаюсь, и я тебя не прощаю.

Он встал и вышел из комнаты. Взяв ключи, он вышел из дома. Осторожно пройдя через задний двор, он вышел к небольшому лесочку. Пройдя около пятидесяти метров, лес практически закончился. Еще пару метров — и начнется проселочная дорога. Вот зарубка на ольхе, а вот и накрытый валежником мотоцикл. Уже через несколько секунд он мчался по безлюдной проселочной дороге. Он знал, очень скоро ему нужно будет вернуться сюда.

Спустя десять часов раздался звонок. В трубке послышался голос отца, такой измученный и безжизненный:

— Здравствуй, сынок, ты где?

— Я путешествую по области, сейчас нахожусь в двухстах пятидесяти семи километрах от дома, а что?

— Мама умерла.

В трубке послышался свистящий вздох отца. Он плакал, потом взял себя в руки и сказал:

— Ты должен вернуться домой.

И вот даже сейчас отец указывал, как ему нужно поступить и что делать, но это уже не раздражало. Сейчас отцу больно как никогда, и с каждым днем его жизнь будет становиться хуже и хуже.

— Хорошо, — сухо ответил он и развернул мотоцикл в сторону дома.

Уже начинало смеркаться, когда он подкатил к дому. Все окна огромного дома были темными и пустыми, и лишь окно в столовой, где состоялся последний разговор с матерью, освещалось тусклым светом ночника.

Когда он вошел в дом, отец сидел за столом в гостиной. Перед ним стояла полупустая бутылка дорогого коньяка, и еще одна, но уже пустая, находилась под столом рядом с ним. Это было совсем не удивительно, ведь все его проблемы, неудачи и падения всегда лечились несколькими днями запоя и бесчисленным количеством коньяка. Но сейчас, вероятнее всего, он застрял в этом состоянии очень надолго. Его больше некому останавливать, но и решать его вопросы, а также заботиться о нем тоже некому. Он жалок в своей уязвимости.

Мужчина, сидевший за столом, выглядел чрезвычайно подавленным. В этот момент он больше напоминал живой труп, нежели живого человека. Смерть любимой жены его сильно подкосила, и ощущение безвозвратной потери его больше никогда не покинет. На это и рассчитывал его сын, он точно все рассчитал. Этот парень четко понимал, что именно смерть матери может стать последней каплей для отца, что и станет для него точкой невозврата, а сыну останется только наслаждаться, наблюдая за мучениями отца.

Прошло больше десяти минут, прежде чем человек, сидевший за столом, оторвал взгляд от бутылки и перевел его на сына, который уже давно наблюдал за ним, удобно устроившись в мягком кресле.

— Давно ты здесь? Вечно подкрадываешься, как гад, — мужчина с отвращением обратился к сыну.

— Не беспокойся, я всего пару минут здесь. Как умерла мама? — задал вопрос он.

— Она умерла, как раз в том кресле, где ты сидишь. Врачи предположили сердечную недостаточность, — ответил мужчина, затем замер, прищурился, как будто всматриваясь, и тут он увидел, как его сын нюхает, поглаживая спинку кресла, на котором умерла его мать.

Что-то в выражении лица его сына было ненормальным, противоестественным. Взгляд отца скользнул ниже, и тут пришло страшное осознание: смерть матери привела его в сильное сексуальное возбуждение, которое это чудовище не контролировало.

Холодная дрожь пробежала по всему телу. Ужас осознания чудовищности положения и того, какой урод всю жизнь был с ним под одной крышей, прошел по мозгу словно асфальтовый каток, и это чудовище — его сын.

— Это ты виноват в ее смерти, ты убил ее! — не своим голосом заорал мужчина со всей силы, запустив бутылкой в сына. Тут же он попытался сорваться с места, чтобы наброситься на некогда любимого ребенка, но сознание помутнело, и он провалился в кромешную темноту. Последнее, что он услышал, — это были шаги сына, а за ними его голос: «Ты меня раскусил, но уже слишком поздно, и доказательств у тебя нет и не будет, ведь ты такой же тупой и поверхностный, впрочем, как и все твои коллеги. И ты прав: чтобы работать в органах, нужен особый склад ума, куда уж мне до вас!» — насмешливо проговорил он.

— Сашенька, доброе утро, пора вставать! У тебя сегодня много дел! — крикнула бабушка откуда-то из глубины комнат.

Я приоткрыла глаза, из окон струился мягкий солнечный свет раннего летнего утра. С кухни доносился очень вкусный запах бабулиных ванильных оладий. «Господи, как я буду жить без них!» — подумала я про себя.

— Сашенька, ну ты чего? Ты же сама просила разбудить тебя пораньше, — войдя в комнату, сказала бабушка.

— Да я уже проснулась, бабуль! Что у нас на завтрак? — спросила я, хотя и знала уже ответ на свой, непонятно зачем заданный вопрос.

Бабушка, улыбнувшись, погладила меня по голове и сказала:

— А ты как думаешь?

Я еще раз хорошенько потянулась, лежа в кровати, утренняя дремота никак не хотела меня отпускать. Прикрыв глаза, я тут же вспомнила, что мне еще нужно забрать диплом из универа, собрать вещи, и все это нужно успеть до завтра. Так как завтра в 6:30 утра начнется моя, новая, уже совсем взрослая жизнь.

Мысль об этом ударила меня словно током, и с постели я выпрыгнула как ошпаренная. Через пять минут я уже влетела на кухню. Бабушка всё еще суетилась у плиты, дожаривая последнюю партию оладушек, запах стоял просто восхитительный. Окинув взглядом кухонный стол, я увидела на нем приготовленную чашку горячего кофе и стопку оладушек, политых

сгущенным молоком. В желудке предательски заурчало. Не поворачиваясь ко мне, бабушка сказала:

— Налетай, лопай скорее, пока горячее, а то вон и так одни кожа да кости!

— А как же ты, ба?

— Я успею. Вот дожарю и поем, у меня целый день впереди, а тебе бежать уже надо за дипломом и по магазинам, чтобы всё успеть. Список покупок на столе.

На краю стола лежал свернутый лист бумаги. Я взяла его и развернула. От количества покупок мои глаза чуть не выпали.

— Бабуль, куда так много? Ты что, готовишься к затворничеству? — усмехнувшись, спросила я.

— Какое затворничество, балда! Тебе завтра ехать, а у нас ничего не куплено...

— Бабуль, мне ехать чуть больше суток, мне столько не нужно.

— Ну, конечно. Пока приедешь, пока устроишься, готовить и тем более бегать по магазинам некогда будет.

— Полагаю, спорить на данную тему бессмысленно? — приподняв бровь, спросила я.

— Правильно полагаешь. Лопай, давай, — не отворачиваясь от плиты, заявила ба.

Быстро проглотив несколько оладий, я схватила бумажку со списком со стола. На бегу чмокнула в щеку бабулю и понеслась к выходу.

Уже выйдя в подъезд, я подумала о том, что хорошо бы было, если на пути мне не встретится никто из бабулиных подруг. Нет, они, конечно, все бесконечно милые женщины и всегда ко мне хорошо относились. И даже в иной раз я бы с удовольствием с кем-нибудь из них поболтала, но сейчас у меня абсолютно на это нет времени! Ой, да кого я обманываю, мне никогда не нравилось с ними болтать. Ладно, когда я была ребенком, они пытались делиться со мной опытом и даже пытались меня воспитывать, прикрывая это всё добродетелью: мол, ты же внучка нашей подруги, и ты нам как родная...

На самом деле правда состояла совершенно в другом, а именно в том, что их собственные внуки приезжали к ним в гости раз в год и были совершенно неуправляемы, и потом кто-то же должен был их развлекать. И каждое лето мне приходилось изображать лучшую подругу для внучек тети Маши, внучки тети Даши. И, конечно же, я была лучшим другом для внука Паулины Григорьевны. Ну, с Лехой мы и на самом деле дружили: вместе гоняли на великах, ходили купаться на пляж и стреляли из рогатки по баночкам. Правда, после каждых наших совместных прогулок Паулина Григорьевна пребывала в некотором шоковом состоянии. У нее просто не укладывалось в голове, как мальчик из такой интеллигентной семьи, как ее, может порвать штаны, лазая через забор, или подраться с мальчишками из соседнего двора, получив при этом фингал под глазом, конечно, не без моей помощи.

От воспоминаний меня отвлек скрип двери на первом этаже.

— Блин, вот помяни черта — он и появится, — прошептала я, глядя сверху вниз.

На площадке первого этажа стояла высокая статная женщина пожилого возраста с безупречной укладкой и неброским маникюром, лёгким дневным макияжем, дорогим летним костюмом делового стиля и, разумеется, туфлями на каблучке. Это была Паулина Григорьевна.

Конечно, перспектива общения с этой «милой» женщиной меня совсем не прельщала, но деваться было некуда. Не могу же я выйти на улицу, минуя первый этаж. Сделав глубокий вдох, я начала спускаться по лестнице.

— О, какая встреча! Доброе утро, Александра! — расплываясь в улыбке, приветствовала меня Паулина Григорьевна. Скорее всего, со стороны могло показаться, что она и впрямь рада меня видеть, но я-то знала, что это далеко не так.

— Добрейшее утречко, Паулина Григорьевна! — ничем не уступая ей в доброжелательности, расплываясь в улыбке, ответила я.

— Куда это ты в столь ранний час? На тебя это совсем не похоже! Ты ведь далеко не жаворонок, дорогуша, наверное, что-то важное?

— Вы как всегда искромётны в своих шутках и, как всегда, неизменно пронизательны! — последнее я добавила с особым смаком.

— Ну что ты, какие могут быть шутки, Александра! — всё с той же язвительностью продолжила старуха.

Я потихоньку начинала вскипать. Ну как по-тихоньку — я прекрасно понимала, к чему она клонит, и от этого мне казалось, что у меня сейчас пар из ушей пойдёт.

— Что же ты молчишь, Александра? Али секрет большой, куда путь держишь? — всё с той же ухмылкой продолжила Паулина Григорьевна.

— От чего же, совсем не секрет, — я иду забрать из университета свой необыкновенно красивый прекрасный диплом, — с особым придыханием ответила я. Предвидя, как старушечья сейчас закатит глаза и начнёт рассказывать мне о своём «вундеркинде» — внучке, величайшем враче-психиатре Алексее Александровиче, — я перехватила инициативу.

— Разумеется, я не чета вашему Алексею, куда уж мне до него! Он доктор, а я кто? Юрист — этим и любой дурак сможет заниматься, правда ведь? Посидел в интернете, почитал — делов-то! Я бы с вами ещё с удовольствием поболтала, Паулина Григорьевна, но дела не ждут, хорошего дня! — крикнула я и, быстрее ветра, понеслась к выходу.

Краем глаза я увидела сползающую с лица самодовольную ухмылку старушки и долгое недовольное фырканье мне вслед со словами:

— Ну надо же, какое невиданное хамство! Никакого уважения, говорила же — ничего хорошего из этой девчонки не выйдет, слава Богу, мой Алекс не общается с ней, слава Богу, детство кончилось!

— Ну, ну, так и продолжай думать, ба, не стану тебя разубеждать! — подумала я и вышла во двор.

Через несколько минут я уже мчалась на автобусе в университет. Ну, как мчалась — еле втиснувшись в него, я поехала по маршруту. При каждой следующей остановке, как только двери открывались, мне казалось, что люди, стоявшие на нижней ступеньке, начнут вываливаться. Не могу сказать, что путешествие оказалось приятным, но, как говорится, лучше плохо ехать, чем хорошо идти. После сорока минутной поездки в переполненном автобусе, наполненном смесью ароматов перегара, пота и духов, я наконец оказалась перед университетом.

Выходя из деканата, держа подмышкой диплом, на лестничном пролете я столкнулась со своим любимым преподавателем психологии Николаем Сергеевичем. Его лекции всегда были очень эмоциональны и увлекательны, практически всегда он удивлял студентов своими знаниями и историями из области психологии.

— Доброе утро, Александра! — обратился ко мне Николай Сергеевич. — Не передумала уезжать? В моем институте на кафедре по психологии и психиатрии есть вакантные места, смогла бы учиться и работать.

— Нет, не передумала, завтра утром уже выезжаю, Николай Сергеевич. Вы действительно думаете, что из меня получился бы хороший профайлер?

— Разумеется, Александра. Если бы я не был в этом так уверен, я не стал бы тебе этого предлагать. Ну, раз уж ты решила, что твое призвание — стоять на страже закона... — сказал он с иронией и как-то грустно улыбнулся. — Я желаю тебе удачи, и знай, если тебе понадобится моя помощь или консультация, я готов тебе помочь. Звони, пиши, не стесняйся.

— Спасибо большое, Николай Сергеевич! — Он снова грустно улыбнулся, взглянул на часы, потом на меня и сказал: — До свидания, Александра. Успехов вам на вашем поприще. Был рад встрече. Сказав это, он начал стремительно подниматься вверх.

Какое-то время после нашего разговора с Николаем Сергеевичем я пребывала в растерянности и уже было начала сомневаться в правильности сделанного выбора, как вдруг откуда-то из холла послышался голос Ирки.

— Ну наконец-то, вот ты где! Я уже весь университет оббежала, разыскивая тебя! Ты чего трубку не берешь? Я тебе раз двадцать звонила! — Ирка быстро окинула меня взглядом, пристально посмотрела мне в глаза и с беспокойством спросила: — Сашка, ты чего? Что-то случилось?

— Да нет, всё нормально... — всё так же растерянно ответила я.

— Ага, ну конечно. Давай рассказывай, что у тебя опять в голове происходит?

— Ничего, правда, просто взгрустнулось и всё.

— А, ну если так, то тогда ладно, а то я уж испугалась, что ты передумала ехать со мной. Грустить — это нормально, всё-таки не каждый день начинаешь новый этап. Ты уже всё собрала? Какие планы у нас сейчас? Куда идем? — не унималась Ирка.

— Мне нужно много еще чего купить, бабушка с утра написала целую портянку покупок для моей поездки.

— Ты чего? Ты еще вещи не собрала? — спросила Ира.

— Да не волнуйся ты так, я всё успею. Тем более у меня еще есть бабуля, она-то точно не даст мне опоздать! — улыбаясь, подбодрила я Ирку.

— То, что ты ещё не собрала чемоданы, это, конечно, плохо, но то, что у тебя есть супербабуля, это хорошо. Вот ей я доверяю! — повеселев, ответила Ира.

— Да, если бы не твоя ба, я бы с твоей собранностью с ума бы давно сошла, — засмеявшись, добавила она.

После встречи с лучшей подругой мои тревоги понемногу начали таять. Я почувствовала себя более уверенной, и мы вместе с ней уверенным шагом пошли в сторону ближайшего супермаркета.

Купив всё по списку и оплатив покупки, мы вышли из магазина. Выглядели мы с ней, конечно, как гужевые лошади. Хорошо, что Ирка пошла со мной, одна бы я точно бабулин список покупок не одолела. На выходе нас уже ждало такси, которое Иринка предусмотрительно вызвала. Увидев нас, таксист сразу понял, что багажник его автомобиля будет забит до отказа пакетами, и явно без особого энтузиазма пошёл открывать его нам.

Домой мы доехали быстро и, в отличие от моего утреннего путешествия на автобусе, комфортно. Забрав пакеты из багажника, мы с подругой поднялись наверх. Пока я открывала дверь, Ирка пыталась перевести дыхание и всё время причитала:

— Ну куда это всё? Бабушка тебя что, на Северный полюс отправляет? В любом городе это всё можно купить. Как ты это всё потащишь?

— Это называется забота! Прекращай ныть! — сказала я, открыв дверь и пропуская её в квартиру. — Заходи давай.

— Сашенька, это ты? — послышался голос бабушки из кухни.

— Да, бабуль, мы тут с Ирой еле донесли твои покупки.

— Здравствуй, Ирочка, — улыбаясь, сказала бабушка, выйдя из кухни.

— Здравствуйте, Тамара Александровна! — ответила Ира.

— Ну что, девочки, устали? — с лукавой улыбкой поинтересовалась бабушка. — Ну проходите, чего встали-то.

Оттащив все пакеты, мы с Иркой упали на диван, пытаясь перевести дух. Хорошо, что в комнатах было уже достаточно прохладно, так как бабуля предусмотрительно включила кондиционер.

— Звонила Паулина Григорьевна, — входя в комнату, сказала ба. В её руках был запотевший, только что приготовленный домашний лимонад. — Вот выпейте, сразу полегчает. —

Сашенька, детка, что ты ей такого сказала, что бедная старушка пьёт успокоительные? — с усмешкой спросила бабушка.

— Ба, честное слово, ничего такого, просто ответила ей так, как нужно было отвечать с самого начала. С чего она решила, что может с нами разговаривать как с людьми второго сорта? С чего она взяла, что лучше нас? Мне не десять лет, чтобы учить меня жить или отчитывать. Как помнишь, она здесь в обморок падала, что, видите ли, из-за меня её Алёшенька зарядом соли в зад получил. — Эта картинка у меня моментально встала перед глазами, и я, не сдержавшись, рассмеялась.

— А помнишь, как она потом пришла к тебе и говорила, что это я Лешку надоумила залезть в чужой сад за черешней, а там сторож какой-то слишком нервный оказался и...

Дальше я уже не могла выговорить ни слова, душил смех. Мы долго смеялись все вместе, до слез.

Ближе к вечеру все мои сумки были собраны, провизия в дорогу приготовлена. Около десяти часов вечера я отправила Ирку на такси домой, чтобы та успела отдохнуть перед дорогой, ведь нам с ней еще более суток ехать до нашего нового места проживания. После Иркиного ухода мы еще долго лежали с бабушкой на диване в темноте и вели задушевные разговоры. Время от времени она тяжело вздыхала, и от этого мне щемило в груди. «Ну ничего, я же буду приезжать сюда в отпуск», — мысленно проговаривала я. Этой ночью совсем было не до сна, лишь к утру мне удалось уснуть. Спустя несколько часов мы с бабушкой метались по всей квартире, чтобы всё успеть и ничего не забыть.

На вокзал мы с бабулей прибыли вовремя. Иришка появилась минут через пять. До отправки поезда оставались считанные минуты, и все это время бабуля не выпускала меня из своих объятий, время от времени всхлипывая и причитая: «Сашенька, береги себя, пожалуйста, не забывай, звони, приезжай».

— Бабуль, ну чего ты опять? Обещаю, при первой возможности сразу к тебе. Звонить буду каждый день, хочешь?! Только не плачь, прошу тебя!

Через десять минут мы с Ирккой уже сидели в купе. Впереди нас ожидало путешествие длиной в тридцать один час.

В поезде время пролетело незаметно, было достаточно комфортно и весело. В поезде время пролетело незаметно, было достаточно комфортно и весело. Мы познакомились с парой ребят из того же города, в который направлялись, так что на перрон мы вышли в новую жизнь, новый город и с новыми знакомыми.

На стоянке у вокзала мы с Ирккой взяли такси, чтобы доехать до нашего нового места проживания. Все время поездки мы ехали, глаза по сторонам, чтобы хотя бы примерно запомнить маршрут, но на самом деле это было не первостепенно — просто новый город было интересно рассматривать. Несмотря на то что город не считался областным центром, на первый взгляд он не казался таким уж провинциальным: он сочетал в себе всё — и новостройки, и здания дореволюционной постройки. Вид из окна такси меня радовал, на самом деле город выглядел достаточно ухоженно и уютно. В голове пронеслось: «Хорошо, что Лёха уговорил приехать именно сюда». Наконец такси остановилось около типичной многоэтажки хрущевских времен. У подъезда нас уже ждал высокий, хорошо сложенный и внешне приятный парень, который, не переставая, скалился нам во все тридцать два зуба, — это был Лёха.

— Привет, Санёк! Сколько лет, сколько зим? О, я даже и не предполагал, что ты уже такая!

— Какая — такая? Улыбка сползла с лица Лёхи, было понятно, что мой вопрос его смутил, он потупил глаза на Ирку. Понимая, что нужно как-то спасти положение, я кивнула в сторону Иры и сказала: «Знакомьтесь, Ира, это Лёха, ой, то есть Алексей, мой друг детства.

Алексей, это Ирина, моя подруга». Лёха было протянул Ирке руку, чтобы пожать в знак приветствия, но я его толкнула в плечо и сказала: «Лёх, давай потом окажешь знаки приличия, а сейчас помощи, пожалуйста, вытащить наши пожитки из машины, человека нужно отпускать, у него уже заказ горит».

— Да, конечно, столько не виделись, я аж что-то растерялся.

— Это заметно, ну ты давай соберись, сейчас разместимся и поговорим, — сказала я.

— Ок, — ответил Лёха и подмигнул мне.

Таксист уехал, а мы двинулись все вместе в квартиру, которую нам подыскал Лёха. Несмотря на то что здание внешне не выражало ничего привлекательного, в подъезде оказалось очень уютно, сразу было видно, что жильцы подъезда любят свой дом. Подъезд был достаточно светлым, так как стены были покрыты светло-бежевой краской, полы выкрашены в благородный серый цвет, на каждом окне располагались живые красивые цветы с ярко-зелёными листьями.

Кое-как добравшись до нашего третьего этажа, мы вошли в квартиру, и Лёха каждой из нас вручил комплект ключей от подъезда и входной двери. Затащив в комнату всю нашу поклажу и отдышавшись, Лёха сказал: — Располагайтесь, девочки, около семи я зайду за вами, покажу город.

— Спасибо тебе, Лёша, ты нам очень помог, ты настоящий друг! — Да ладно тебе, приходите в себя, встречаемся в семь у подъезда, — сказал он, захлопывая за собой дверь.

— Ага! — только и успела я ответить.

— А он симпатичный, — с придыханием сказала Ирка.

— Ага, наверное, — это всё, что я смогла на это ответить. — Слушай, давай потом повздыхаешь, сейчас нужно найти сумку с продуктами и разложить всё в холодильник, у нас на всё про всё два с половиной часа. — Ну ладно тебе, не злись, сейчас всё сделаем и даже время еще останется, не заводись, пунктуальная ты моя, — с улыбкой сказала Ирка.

— Да я и не заводюсь, просто будет неудобно заставлять человека ждать, он и так для нас много сделал, нужно придумать, как его отблагодарить, — потирая подбородок, сказала я.

— Может, мы его на ужин пригласим? — из кухни донесся голос Ирки.

— Вполне хороший вариант, — согласилась я.

В семь часов вечера, как и договорились, мы встретились с Лёхой. Он долго рассказывал нам о городе, показывал местные достопримечательности. Когда мы возвращались домой, Лёха предложил срезать путь через парк. Пока мы шли, меня не покидало чувство, что за нами всё время кто-то наблюдает, я несколько раз оглядывалась, всматривалась в темноту, но ничего так и не смогла рассмотреть.

— Лёша, а что это за парк у вас такой? Фонарей практически нет, да и скамеек не так много, а где хоть какое-то подобие дорожек?

— Эх, девушки, мы и такому рады, это место только недавно начали облагораживать, ещё каких-то лет десять-пятнадцать назад это место больше напоминало дикий лес в центре города: только протоптанные дорожки, бурелом да заросли в человеческий рост. А несколько лет назад хоть расчищать стали, да кое-где фонари появились. Да и то всё начали чистить, когда администрация в городе сменилась. Пришел новый глава в город и дал распоряжение разработать проект этого парка, всё здесь вычистить от зарослей в целях недопущения и пресечения преступных деяний, — усмехнувшись, сказал Лёха.

— Что за бред такой? Каких ещё деяний? Закладки, что ли? — спросила Ира. — Может, закладки, а может, бояться, что опять маньяк объявится, — ответил Лёха.

— О, это уже интересней, что за маньяк? — поинтересовалась я.

— Да было дело, где-то в конце девяностых в центре города стали находить убитых девушек от шестнадцати до сорока лет, кто-то убивал их с завидной регулярностью. Тогда не сразу следствию удалось понять, что во всех случаях действовал один и тот же человек, потому как

почерк каждый раз был разным, что-то, конечно, общее присутствовало, но только недавно больше десятка убийств удалось объединить в одно дело, так как появилась экспертиза ДНК. Говорят, до сих пор еще очень много девушек так и числятся пропавшими без вести, и предположительно большая часть пропавших тоже погибли от рук того же маньяка, но это уже ни доказать, ни оспорить не представляется возможным.

— Ну так, что по итогу, злодей был наказан? — спросила я.

— К сожалению, нет. Столько жизней отнял, а наказан не был, — выдохнул Лёха и добавил: — Времена были смутные: ни оснащения, ни снабжения, ни финансирования. В городе тогда даже несколько отделов с нуля начали строить, и ни один не достроили, стройки были заморожены, понимаешь?

— Нет, не понимаю, — ответила я. — Причём тут стройки и розыск маньяка? Везде есть грамотные специалисты и люди, преданные своему делу. Мне кажется, что в этом деле либо не нашлось человека, относящегося ответственно к своей работе, либо что-то мешало раскрытию.

— Конечно, мешало, Саша, — вмешалась в разговор Ирка. — Ты что, не слышишь? Тебе же говорят: маньяк, а значит, это человек с психическими отклонениями, и понять, чем он руководствуется, очень сложно, а зачастую просто невозможно.

— Тут я могу с тобой согласиться только отчасти. Я считаю, что если тщательно обследовать место происшествия, вещдоки, провести все необходимые экспертизы, а также сличить все дела и обстоятельства их совершения, то вполне реально можно отследить определённые закономерности, которыми, скорее всего, и руководствуется убийца. Да, это очень сложная и кропотливая работа, но это не означает, что она невозможна.

— А ты как считаешь, Алексей? — с интересом спросила Ира.

— Мне бы очень не хотелось тебя расстраивать, но, пожалуй, я соглашусь с Сашкиной точкой зрения. Видишь ли, у таких людей есть определённая зацикленность, то есть мания, а следовательно, есть и триггер, который срабатывает в тот или иной момент, а это значит, в действиях этого человека можно проследить логику, пусть даже и извращённую.

— Ладно, давайте уже быстрее домой пойдём, а то мне аж как-то не по себе стало от наших разговоров, — сказала Ира.

— Вот те на! — усмехнулся Лёха. — А как ты собралась в полицию работать? Преступников ловить и всё такое?

— Да никак, — язвительно ответила Ирка; сразу было понятно, что Лёха задел её за живое. — В мои планы не входит изобличение маньяков, я буду работать с кражами, а для маньяков и убийц есть Сашка, ей это интересно, она у нас любит разбираться, кем что движет, и даже может найти оправдание действиям всяких психов.

— Ир, ну не обижайся, я совсем не хотел тебя обидеть, — обняв её за плечи, сказал Лёха. — Тут уж ничего не поделаешь: каждому своё, кому-то маньяков, насильников и убийц ловить, а кому-то и тазики бабулькам возвращать надо.

— Да ну вас! Ты гляди, какие они тут бесстрашные, тоже мне ещё Бэтмен и Робин нашлись, — Ирка, оттолкнув Лёху, пошла вперёд.

Лёха повернулся ко мне и шёпотом спросил: «Чё, переборщил?» Я кивнула, но не смогла сдержать улыбки и добавила: «Чё-чё, конечно, перебор, но мне понравилось, очень остроумно, не переживай, она отходчивая». И мы бросились догонять Ирку. Подруга моя была действительно достаточно добрым и отходчивым человеком, уже через несколько минут мы вместе хохотали над Лёхиными историями из универса.

Время мы провели весело, и оно пролетело незаметно. У подъезда Лёха всё же не выдержал и сказал:

— Хорошо, что ты моей великолепной ба не сообщила, куда едешь и кто тебя на эту авантюру подвиг, но вот грубить ей всё же не стоило: она женщина старых устоев, и для неё это шок, — сказав это, Лёха смешно приложил руку ко лбу.

— Знаешь, ничего такого я ей не сказала, даже слова плохого, а она раздула из этого непонятно что и моей бабушке ещё пожаловалась. Так что прежде чем включать свой менторский тон, пусть адекватно оценивает место, время и оппонента. Но если моё поведение задело именно твои чувства, то мне очень жаль.

— Ой, ну и язва ты всё-таки, Саня. Конечно, задело, — смеясь, ответил Лёха. — Кого же не заденет, когда твой лучший друг закатывает глаза и, кривляясь, отрекается от тебя, говоря: «Разумеется, я не чета вашему Алексею, куда уж мне до него, он доктор, а я кто?» — Лёха смешно начал меня передразнивать. Мы ещё немного постояли, поболтали и разошлись по домам, предварительно договорившись о встрече.

Всю следующую неделю Лёха проводил нам экскурсии по городу и даже за его пределами. Оказалось, что здесь немало памятников архитектуры и красивых мест. Река, которая делила город напополам, мне очень понравилась: тихая, спокойная и довольно широкая, казалось, что в ней была какая-то мрачная таинственность.

Первого июля мы прибыли в отдел полиции для начала несения службы. У входа в отдел МВД нас встречал улыбчивый мужчина средних лет в звании подполковника полиции. Несмотря на свой довольно молодой возраст, на голове подполковника имелись уже вполне заметные залысины; конечно, он старательно пытался их скрыть, зачесывая эти места рядом растущими волосами, но залысины предательски отражали блики от потолочных светильников. В целом мужчина имел довольно презентабельный и ухоженный вид. Отутюженные брюки и рубашка, а также до блеска начищенные ботинки — всё это навело меня на мысль о том, что прежде чем пойти на службу в полицию, этот человек не один год был военнослужащим.

— Добрый день, девушки. Полагаю, вы Николаева Ирина Витальевна, а вы — Ткач Александра Дмитриевна, — обратился к нам мужчина.

— Так точно, — ответили мы.

— Я подполковник полиции Вешнивец Игорь Иванович, рад знакомству. Николай Сергеевич очень хорошо о вас отзывался, говорит, что вы были лучшими на потоке. Прошу следовать за мной, я представлю вас вашему непосредственному руководству, Иван Михайлович как раз здесь. Подполковник резко повернулся на каблуках и семимильными шагами зашагал в сторону лестницы, мы с Ирккой старались не отставать. Несмотря на то что это довольно старое здание, внутри было довольно светло, еще пахло краской; по всей вероятности, ремонт был сделан совсем недавно.

Поднявшись на второй этаж, Вешнивец указал нам на кабинеты, которые находились с правой стороны, и произнёс: — Здесь у нас находятся сотрудники уголовного розыска, так сказать, гордость отдела. Вам с ними предстоит очень плотно работать, давайте-ка я сейчас вас познакомлю с начальником розыска. Кабинет начальника уголовного розыска находился почти в конце коридора. На подходе к кабинету было хорошо слышен разговор на повышенных тонах.

— Товарищ майор, молодняк сам проявил инициативу, я тут при чём?

— Слушай меня сюда, пёс неинициативный! Тебя к молодняку прикрепили как наставника, чтобы ты опытом делился и приглядывал за ними, а ты что? Значит так: теперь, благодаря тебе, «орёл-переросток», можешь так и передать всем операм — к среде чтобы выучили УПК от корки до корки, проверю лично каждого, ясно!

В этот момент мы вошли в кабинет, хотя, если честно, после таких криков заходить было страшновато. Когда мы вошли, перед нами открылась следующая картина: два взрослых дядьки сидели друг напротив друга с кучей бумаг и что-то обсуждали на повышенных тонах — вернее, как обсуждали: тот, который был побольше в плечах и имел одну звезду на погонах, склонился над тем, который был поменьше, покруглее и гораздо сильнее вспотевшим. Майор тыкал пальцем, на что-то указывая в бумагах, и только говорил: — Исправить, испра-

вить, переделать. Услышав, как открывается дверь, майор повернулся и, подняв бровь, спросил: — Здравия желаю, Игорь Иванович, чем обязан?

— Что у вас здесь происходит, Соболев? Какие-то проблемы?

В этот момент собеседник майора решил ретироваться и обратился к майору: — Я вас услышал, товарищ майор, разрешите выполнять? Майор бросил грозный взгляд на подчиненного и произнёс: — Главное, чтобы ты меня понял, Семечко. Выполняйте.

— Так точно! — выдохнув с облегчением, ответил младший лейтенант Семечко и быстро скрылся за дверью.

— Ну что вы, товарищ подполковник, проблем никаких нет, просто рабочие моменты.

— Ну хорошо. А я зачем пришел: хочу представить вам наших новых следователей. Девушки в этом году закончили Ростовский университет с отличием, очень перспективные молодые особы: Николаева Ирина Витальевна, Ткач Александра Дмитриевна. А это начальник уголовного розыска, майор полиции Соболев Дмитрий Викторович.

Майор встал из-за стола и подошел к нам. На вид майору было немного за тридцать: высокого роста, широкоплечий, с аккуратно уложенными волосами, в ухоженном, отутюженном летнем костюме. Кольца на пальце нет — значит, скорее всего, не женат: либо нет времени, либо характер слишком требовательный, а судя по той сцене, которую мы застали, скорее всего, последний вариант был наиболее правдоподобен. Протягивая руку для приветственного рукопожатия, он буквально просканировал нас изучающим взглядом — у меня аж мороз по спине пробежал, а Ирка так вообще стояла не мигая, с открытым ртом, так что мне пришлось её толкнуть локтем; в этот момент грозный майор не выдержал и ухмыльнулся.

— Будем знакомы, коллеги. Если возникнут какие-то вопросы или потребуется помощь, не стесняйтесь, обращайтесь.

— Спасибо, — расплываясь в глупой улыбке, пробормотала Ирка. — Ну вот, познакомились, и ладненько, пойдёмте дальше, девушки, а то Иван Михайлович вас уже заждался, — сказал подполковник. Потом мы вошли в кабинет Игоря Ивановича, где нас уже ожидал начальник Следственного комитета Корнаухов Иван Михайлович. И нас представили.

— Несказанно рад молодому поколению, с кадрами у нас в настоящий момент очень большая напряженка, людей катастрофически не хватает. Значит, по поводу обеспечения вас жильем я уже договорился, через пару месяцев сможете переехать в служебную квартиру. А сейчас давайте мы с вами проедем в Следственный комитет, он находится буквально в паре кварталов отсюда. На месте я вам расскажу фронт работ, покажу ваши рабочие места и познакомлю с коллективом. Прошу, девушки, за мной. Действительно, ехать до Следственного комитета было примерно минут десять. Можно было сразу понять, что здание следкома, так же как и здание отдела МВД, совсем недавно было отремонтировано и имело довольно приятный и ухоженный вид.

В комитете работало около двадцати человек, у каждого был свой кабинет, нам же с Иркой выделили кабинет один на двоих, исходя из того, что для нас так будет комфортнее. На самом деле нас это даже ничуть не расстроило, а даже наоборот. Наш кабинет был достаточно светлым и просторным.

В общем, весь день мы провели на работе, знакомясь с коллегами и предстоящим объемом работ, обсуждали с руководством дальнейший план действий. Около шести часов вечера нас отпустили домой, и мы решили пройтись с Иркой пешком, несмотря на то что на улице было лето; вечер был ничуть не душным и приятным, от асфальта не чувствовался такой жар, к которому мы привыкли в Ростове. Мы решили срезать путь через парк, который, со слов Лёхи, совсем недавно стали приводить в порядок. Войдя в него, мы даже ощутили прохладу, которая окутывала весь парк. Ирка не переставала щебетать про майора: какой он такой-рас-такой, настоящий красавчик, супермужчина, в общем, герой нашего времени. Слушая её бол-

товню, я всё время ощущала какое-то напряжение, прямо кожей чувствовала, что за нами кто-то наблюдает, но откуда — понять так и не смогла.

По приходу домой я спросила у Ирки, не заметила ли она чего-то подозрительного или странного, выделяющегося из общей картины, когда мы шли через парк. Та махнула на меня рукой в ответ: «Да нет, всё как обычно: деревья, протоптанная дорожка, мужчина-грибник». — Какой ещё грибник? Да там, туда, вглубь, дальше, ближе к зарослям... Значит, ты тоже его видела?

— Ну да, — утвердительно ответила Ирка.

— А с чего ты взяла, что он грибник?

— Ну не знаю, он ходил вдалеке от дорожек, в руках была палка, он ею листву прошлогоднюю ковырял, так обычно грибники ищут грибы, я по телевизору видела.

— Странно, я почему-то не подумала, что он грибник, мне показалось, что он что-то потерял, да и ни корзинки, ни ведерка, или чего-то подобного у него не было.

— Ну может, у него в кармане пакет на этот случай припрятан, — с хрустом откусывая яблоко, сказала Ира.

— Ну что ж, вполне вероятно, но всё же давай с тобой договоримся по одному через этот парк не ходить и в темное время тоже обходить.

— Ладно, — согласилась Ирка, — мне он всё равно не нравится и даже немного пугает.

— Вот и славно! — сказала я и пошла в ванну приводить себя в порядок для подготовки ко сну: день выдался насыщенный.

На следующий рабочий день нас уже внесли в график дежурств. Мы с Иркой обустроились в кабинете, когда к нам явился старший следователь Юнусов Адам Адамович и, посмотрев на меня, сказал: — Александра, поедете со мной. Поступило сообщение из районной больницы: к ним доставили молодую женщину в состоянии средней тяжести, её нашли на улице. Нужно выяснить, что к чему. Меня к тебе приставили как наставника, собирайся.

По приезду в больницу мы сразу направились в приёмный покой. Там нас встретила пожилая медсестра, по всей вероятности, с большим опытом работы. Несмотря на свой довольно преклонный возраст, выглядела она достаточно хорошо: маникюр, аккуратно собранные в элегантный пучок волосы, белоснежная униформа и лёгкий дневной макияж.

— Добрый день, старший следователь Юнусов. Нам поступило сообщение о том, что в вашу больницу была доставлена женщина со следами побоев. Я могу увидеть её документы?

Медсестра взглянула ему в глаза и ответила: — Девушка была найдена прохожими в парке, в одной пижаме. Документов при ней, как вы могли догадаться, не было, но могу сказать вам с большой долей вероятности: это её не первый визит к нам.

— Вот как! Откуда такая уверенность, если вы говорите, что доставили её без сознания? — У меня на лица память хорошая, — холодно ответила медсестра. — Вы можете подняться на второй этаж в отделение травматологии и хирургии и узнать о состоянии здоровья данной пациентки у доктора. Её лечащий врач — Золотов Александр Николаевич. Я рассказала вам, что знала, больше добавить ничего не могу.

— Спасибо, мы так и поступим.

В этот момент мне показалось, что медсестра знает гораздо больше, чем сказала нам, но что её останавливало, пока понять не могла.

— Адам Адамович, вы идите, я вас через минуту догоню, только данные персонала, который потерпевшую принимал, возьму.

— Конечно, Александра, давайте именно так с вами и поступим, — сказал Адам Адамович, затем развернулся и зашагал по коридору.

— Давайте теперь всё с начала, — повернувшись к медсестре, начала я. — Меня зовут Александра Дмитриевна, я следователь, — я показала ксиву. В свою очередь женщина надела

очки и внимательно изучила мой документ. — Как я могу к вам обращаться? — задала я свой следующий вопрос.

— Станиславская Римма Петровна, — ответила женщина. — Я уже всё рассказала товарищу следователю и больше мне пока добавить нечего.

— Я думаю, что это не совсем так, — сказала я. — Полагаю, вы располагаете гораздо большей информацией, чем утверждаете; возможно, вы чего-то опасаетесь или есть ещё какая-то причина. Римма Петровна внимательно посмотрела на меня и позвала свою напарницу.

— Люба, подмени меня ненадолго, — попросила она миниатюрную молодую сестру.

— Конечно, Римма Петровна, сколько угодно, не переживайте, я за всем прослежу!

— Пройдемте за мной, Александра Дмитриевна, — приглашая меня за собой, сказала женщина. Мы прошли по тёмному коридору, за лестницей оказалась дверь во внутренний двор больницы. Женщина шла по двору очень быстро, постоянно оглядывалась, я, в свою очередь, еле поспевала за ней. Наконец мы добрались до беседки, расположенной в самом скрытом месте двора. Женщина расположилась в углу беседки и закурила.

— Больно ты молодая для следователя, девочка. Наверное, новенькая и ещё не успела понять, как работает вся эта кухня?

— О чём вы, Римма Петровна?

— Понятно, значит, чутьё меня ещё не подводит — новенькая. Так вот, Александра, девушка, которой сейчас интересуется старший следователь, поступала к нам уже неоднократно, только толку от посещений компетентных органов нет, никаких действий не предпринимается, понимаешь? До этого её привозили с порезами, с отравлением, а сейчас вообще живого места на ней нет. Это Ирина Гросс. Когда её в прошлый раз привезли, у неё были порезы на руках — якобы пыталась покончить жизнь самоубийством.

— Почему «якобы»? — поинтересовалась я.

— Да потому, что у нее была большая кровопотеря. Она, девочка худенькая, я бы даже сказала, истощенная, ее наши врачи заштопали, она долго приходила в себя. Меня попросили за ней присмотреть, пока она от наркоза отойдет. Знаешь, у нее состояние было такое беспоконное: она все время стонала, хныкала, словно ребенок малый, у меня аж сердце защемило. А как она в себя пришла, я у нее осторожно поинтересовалась, зачем она так, может, помощь какая нужна, а она мне и рассказала, что не сама она это, ухажер ее это сделал. Тогда я у нее спросила, почему она не уйдет от него. Девчушка мне ответила, что вот попыталась, и вот, мол, что из этого вышло. Мать у нее лет десять назад умерла, отец крепко выпивает, так что получается, никому она, по большому счету, и не нужна. У хахаля ее какие-то сильные покровители есть, а за нее заступиться некому. Заявление писала — в возбуждении дела отказывали, мол, дело молодое: поссорятся, помирятся, и все. Не нужны ее страдания никому, получается: «Убьют — тогда приходите». Прямо свинство какое-то! Я ей говорю: «Ну, ты пока побудешь здесь, придешь в себя, отдохнешь, а там, может, чего и придумаем, здесь тебя никто не тронет, не бойся». Через несколько дней, значит, заступаю я на смену, а мне сестрички из отделения и говорят: сбежала твоя подопечная. Как позже выяснилось, перед тем как Ира сбежала, накануне в больницу явился ухажер и требовал пустить его к ней. Бедняжка так испугалась, что пришлось ей дать успокоительное. Незадолго до своего ухода она подходила к дежурной медсестре и хотела оставить для меня письмо, но дежурная сказала ей, что моя смена завтра и она сможет мне сказать все, что захочет.

А наутро ее в палате уже не было. Где-то к середине дня записку принесла санитарочка, сказала, что нашла письмо, адресованное мне, под матрасом, когда готовила место новому пациенту.

— Так и что там было написано? — спросила я.

— В письме Ира благодарила меня за доброту, просила никому ничего не рассказывать, так как, по ее мнению, ей никто не сможет помочь. Писала, что попытается где-нибудь спрятаться, может, парень этот оставит ее в покое, но, полагаю, ее надежды не оправдались.

— Как давно это было, Римма Петровна? — Примерно полгода назад.

— Почему вы об этом не рассказали следователю там, в приемном покое? — поинтересовалась я.

— Говорю же, чуть позже поймешь, ты пока не совсем понимаешь, кто тебя окружает. Я тебе так скажу: этот ваш старший следователь уже был здесь и не раз, знает он всё, только делать ничего не хочет. Мой тебе совет: держись подальше от таких, не стоит ему доверять, у меня большой опыт, я вижу людей насквозь. А ты девчонка хорошая, пока еще не испорченная системой, и подобные люди не должны быть наставниками у молодых специалистов.

Мы побеседовали еще немного, обменялись контактами, и Римма Петровна мне дала клятвенное обещание, что, как только Ирина придет в себя и с ней можно будет поговорить, первым делом она сообщит об этом мне. Понимая, что и так достаточно долго задержалась, я помчалась в травматологию, где меня ждал Адам Адамович. Поднявшись на второй этаж, я обнаружила его стоящим у окна. Я подошла и спросила у него: — Что сказал врач?

— Ну, что сказал... Сказал, что есть подозрение, что девушка, скорее всего, находилась под действием наркотических веществ, все необходимые анализы были взяты, остается только ждать заключения экспертизы.

— Понятно. А в каком состоянии в настоящий момент находится потерпевшая?

— На данный момент жизни ничего не угрожает, но для дачи пояснений она ещё слаба, доктор запретил посещения и допросы.

— Ясно, тогда в комитет? — сказала я и улыбнулась, пытаясь не выдавать свои подозрения. Развернувшись, я пошла к выходу. Всё время, пока мы ехали обратно в Следственный комитет, я пыталась выстроить план действий. Несмотря на то, что поведение Адама Адамовича не вызывало никаких подозрений, зерно сомнения уже зародилось в моей голове. Я понимала, что действовать в данной ситуации нужно крайне осторожно и деликатно, дабы не скомпрометировать коллегу. А вдруг Римма Петровна ошибается насчёт Юнусова? Но что-то мне подсказывало, что медсестра была права, но для начала нужно всё проверить. По приезде я сразу отправилась в кабинет. В кабинете я застала Ирку, распивающую чай с товарищем майором Соболевым.

— Приехали уже? Чай будешь? — спохватилась Ирка.

— Здравствуйте, товарищ майор, какими судьбами? — обратилась я к Соболеву.

— Был в ваших краях, решил заглянуть поздороваться, узнать, как устроились. У вас что-то случилось, Александра? — спросил Дмитрий Викторович. — Вид у вас крайне задумчивый.

— Да нет, всё в порядке, спасибо, не беспокойтесь. А чаю я с вами всё-таки выпью, — улыбаясь, сказала я.

— Это хорошо, что всё хорошо, — почти промурлыкав и потягивая чай, сказал майор. Но почему-то я была уверена, что он меня раскусил и прекрасно понимал, что что-то не так; значит, можно сделать вывод, что моя актёрская игра крайне неправдоподобна. И только Ирка ничего не заметила, так как её внимание было приковано только к майору: она то и дело строила ему глазки, пытаясь привлечь его внимание. Наше чаепитие закончилось где-то через час, Соболев отправился в отдел, а мы с Иркой принялись приводить кабинет в порядок.

Сегодня по графику у Иры было первое дежурство, и она заметно нервничала. Видя это, я решила её подбодрить подарком.

— Знаю, как ты переживаешь, это всё-таки твоё первое дежурство, хочу сделать тебе подарок, — порывшись в своей сумке, я достала из неё небольшую коробочку с серебряным кулоном в форме клевера. — Держи, это тебе, пусть он принесёт тебе удачу!

— Ой, какая прелесть! — запричитала Ира. — Ну зачем ты? Не стоило! Спасибо большое! — На глазах Иринки выступили слёзы. Мы с ней обнялись, и я прошептала ей: — Ничего не бойся, если что — звони, я всегда на телефоне.

— Ладно, думаю, я справлюсь, ты и так всё время меня поддерживаешь и подстраховываешь, должна же я когда-нибудь стать самостоятельной, — уже подбодрённая, сказала Ирка.

Уходя домой, я ещё раз напомнила подруге, что я всегда у телефона: если что-то пойдёт не так, пусть звонит, не стесняется. Выйдя из здания Следственного комитета, я направилась домой. Путь предстоял неблизкий, так как мы с Ирккой договорились не ходить через парк поодиночке. Примерно через квартал я заметила, что за мной крадётся машина. Я обернулась в попытке рассмотреть водителя, но сделать этого мне не удалось, потому что лобовое стекло отбрасывало солнечный свет и разглядеть, кто за рулём, просто не представлялось возможным.

Через какое-то время я услышала, как автомобиль прибавил ходу, и буквально через секунду он поравнялся со мной. Стекло опустилось, и я увидела за рулем майора, который, расплываясь в широкой, как у Чеширского кота, улыбке и с совершенно невинным выражением лица, сказал: — Александра, прошу прощения за то, что вас напугал, просто ехал и не мог понять: вы — не вы...

— Ага, как же, понять он не мог, — пронеслось у меня в голове, — я по вашей милости чуть богу душу не отдала.

— Ну так что, Александра, разрешите вас подвезти домой? — бросив на майора гневный взгляд, который, по всей вероятности, его забавлял, я села к нему в машину. Как только я захлопнула дверь, машина тронулась, и Соболев спросил: — Не хотите ли поужинать? Я знаю одно неплохое местечко неподалеку, и вы сможете поделиться со мной своими сегодняшними переживаниями. Я видел, что ты сегодня была чем-то расстроена, и я даже могу предположить, кто тебя расстроил, просто мне требуется чуть больше информации, кроме кислого выражения лица. Не бойся, выкладывай всё, я — могила! — улыбнувшись, сказал он. Конечно, в этот момент во мне боролись два желания: молчать «в тряпочку» и рассказать всё как «на духу». Я понимала, что для меня это крайне малознакомый человек, а, как известно, изначальное чрезмерное доверие к малознакомым людям ещё ни разу до добра не доводило, во всяком случае меня, но было в нём что-то такое, едва уловимое, говорящее о том, что он человек, поступающий по чести и по справедливости. — Буду рада составить вам компанию, Дмитрий Викторович, — ответила я.

Спустя десять минут мы подъехали и наконец-то добрались до небольшого ресторанчика на воде. пляж перед баром был чистым и ухоженным, с практически белым песком; было заметно, что песок не здешний, так как на прилегающей территории песка не было вовсе. Мы прошли по пирсу и очутились в уютном небольшом помещении, оформленном в стиле рыбацкой хижины. Из окон открывался потрясающий вид на воду и город, людей было совсем немного, и это не могло не радовать. Официант, встречавший нас у входа с широкой улыбкой, сказал: — Добрый вечер, рады вас снова приветствовать в нашем скромном заведении! — И проводил нас к дальнему столику; из этого становилось понятно, что майор здесь довольно частый гость.

Я не стала из себя изображать утонченную леди, которая ест как птичка, потому как есть хотелось дико, а воздух ресторана был наполнен ароматами вкусных блюд. Не став долго раздумывать и полагаясь на вкус майора, я попросила официанта принести мне то же самое, что и моему спутнику.

Пока мы ожидали заказ, Соболев сказал: — Ну давай, выкладывай, что там у тебя сегодня приключилось?

— Видите ли... — уже было начала я свою историю, как майор меня прервал:

— Давай только сразу договоримся: не стану скрывать, мне, конечно, лестно твое обращение ко мне на «вы», но к чему весь этот официоз? Мы не на работе, давай перейдем уже на «ты»?

— Конечно, если это удобно, — смущенно ответила я. — Так вот о чем я: сегодня я вместе с Юнусовым ездила в больницу. Туда была доставлена девушка без сознания, без документов, удостоверяющих личность, и в одной пижаме. Юнусов мне сказал, что жизни и здоровью девушки ничего не угрожает и что она всего лишь под наркотой, но врач все-таки запретил беседы с потерпевшей. Значит, угроза жизни и здоровью все же сохраняется, тогда почему Юнусов соврал мне? Еще когда я с ним разговаривала, у меня сложилось такое впечатление, что он уже провел расследование в своей голове и принял решение, которое мне точно не понравится, потому что будет незаконным.

— Так, ну твои опасения мне понятны, только не совсем понятно, где была ты, когда Юнусов разговаривал с врачом?

— В этот момент я беседовала с медсестрой из приемного покоя, — просто ответила я.

— А Юнусов?

— Что Юнусов?

— Юнусов тоже с ней беседовал?

— Да, он спросил: кого привезли, когда, во сколько, откуда и в каком состоянии.

— Медсестра ответила ему на все вопросы, а тебя все-таки заинтересовало еще что-то, и вы с Юнусовым разделились.

— Все верно, но как вы это...?

— Опыт, — потягивая кофе, сказал Соболев.

— Мне просто показалось, что медсестра знает гораздо больше, чем говорит, поэтому я и осталась, чтобы поговорить с ней, и, между прочим, не зря. Римма Петровна сообщила мне весьма занимательную информацию.

— К примеру? — подняв бровь, спросил меня майор.

— Например, что ни для кого из приемного отделения не секрет, что поступившую девушку все знают, потому что она к ним поступала неоднократно, с завидной регулярностью, с телесными повреждениями различного характера и степени тяжести. По словам потерпевшей, виновником всех ее бед является бывший ухажер, имеющий сильных покровителей, но ни разу виновник не был наказан.

— Так, а с чего ты взяла, что виновен в этом Юнусов? Может, девушка сама не хотела раздувать скандал и мирилась с парнем.

— Возможно, ты прав, но я чувствую, что здесь что-то не так.

— Хорошо, давай попробуем сначала найти всю имеющуюся информацию по этой твоей потерпевшей. Скинь мне ее данные, которые у тебя есть, а я постараюсь завтра все выяснить, может, что и нароем, — подмигнув мне, сказал майор.

Еще несколько часов мы сидели и разговаривали буквально обо всем. У меня сложилось стойкое ощущение, будто я знаю этого человека всю свою жизнь. Это замечательное чувство, когда ты разговариваешь с человеком и все настолько легко и непринужденно. К сожалению, учитывая наши реалии, именно это чувство нормальности пугает и настораживает, и это навязчивое чувство сомнения не оставляет тебя, заставляя постоянно думать: а вдруг я ошибаюсь и человек дает мне увидеть лишь ту часть своей личности, которую я хочу видеть? Но почему-то мне хотелось верить этому человеку. Пристально взглянув ему в глаза, я поняла: в этом человеке нет ни грамма подлости и уж тем более отсутствует предательство.

Примерно в пять утра я услышала, как захлопнулась дверь: майор ушел, тихо и без прощаний. Но я и не собиралась за ним бежать или просить остаться, просто была уверена в том, что он обязательно вернется ко мне, а пока пусть всё останется как есть. Около семи утра зазвонил будильник, нужно было собираться на работу; я нехотя встала с кровати и поплелась

на кухню за живительным напитком под названием «утренний кофе». Наведя себе большую кружку ароматного кофе и отхлебнув глоток, я принялась уничтожать все следы пребывания Соболева в квартире. Зная, как может расстроиться Ирка, я решила не говорить ей о нашей встрече с майором. После уборки я быстро приняла душ, оделась и, схватив на бегу сумку, отправилась на работу.

Войдя в кабинет, я обнаружила Иру с кружкой кофе у окна.

— Привет, как прошло дежурство? — спросила я подругу.

— Все хорошо, зря я так переживала, за ночь ни одного происшествия.

— Это хорошо, ты сейчас домой?

— Да, думаю, да, пойду отдохну, а вечером зайду за тобой, и мы сходим куда-нибудь!

— О, отличная идея! Может, по магазинам, а потом заскочим в кафешку.

— Вот и договорились, значит, в шесть у фонтана в центре.

— До встречи.

Ира упорхала, а я осталась работать, день обещал быть долгим. Через некоторое время мне в мессенджер пришло сообщение от Риммы Петровны: это был скан медицинского заключения о характере полученных повреждений здоровья Ирины Гросс. Следом «прилетело» еще одно сообщение: «Ваш старший следователь уже был сегодня, к больной его не пустили, но заключение и анализ крови он забрал». Немного подумав, я в ответном сообщении попросила медсестру оповестить меня, когда можно будет поговорить с потерпевшей, и отметила, что будет хорошо, если я с ней побеседую раньше, чем это сделает старший следователь. Мне было непонятно, почему Юнусов поехал в больницу без меня, хотя и обещал взять с собой. Не хотелось делать поспешных выводов, поэтому я решила дождаться возвращения старшего следователя и ненавязчиво обо всем у него расспросить, а пока занялась пристальным изучением заключения, которое мне прислала Римма Петровна. Через некоторое время мне на электронку поступило сообщение от Соболева с досье на Ирину Гросс. Также через непродолжительное время в мессенджере появилось сообщение от майора: «Извини, что ушел не попрощавшись, поверь, на то были причины, да и не хотел тебя будить. Думаю, что твои подозрения не беспочвенны, всё расскажу при встрече, пока ничего не предпринимай». Из досье на Ирину Гросс следовало, что фамилию Гросс она получила совсем недавно; скорее всего, это была попытка скрыться от ухажера-садиста. Девушка была родом из деревни, семью благополучной назвать сложно, совсем недавно ей исполнился двадцать один год, из родственников остался только отец — бывший карманник, а на данный момент деревенский забулдыга. В общем, ничего примечательного: школу окончила с отличием, впрочем, как и колледж по специальности «экономист». Около одиннадцати ко мне в кабинет явился Юнусов, в руке он держал папку.

— Добрый день, Александра Дмитриевна! — обратился ко мне он. — Добрый день, Адам Адамович! Вы что-то хотели? Или есть какие-то новости по вчерашней потерпевшей?

— Да, ты просила, чтобы я взял тебя с собой при следующем визите в больницу, но сегодня утром, когда я ехал на работу, мне позвонили из больницы и сказали, что анализы и заключение можно забрать; мне было по пути, и я решил не терять времени.

— А, тогда понятно. Ну и что показали анализы?

— Как я и говорил, девушка находилась в состоянии наркотического опьянения и могла получить травмы при падении с высоты.

— Вы серьёзно? — спросила я, изображая удивление. В этот момент товарищ старший следователь «поплыл» и стал из себя изображать умудренного опытом сыщика: — Ну конечно, знаешь, сколько таких случаев? У нариков это довольно распространенная история, так что дело раскрыто и закончено, осталось только документы в порядок привести.

— Ого, здорово, что все так быстро прояснилось, а вы мне разрешите ознакомиться с материалами? Ну, на будущее, — не переставая изображать из себя актрису, спросила я.

— Отчего же нельзя? Зайди ко мне через час, я как раз подшью документы, и тебе будет удобнее, и мне побыстрее с этим покончить. — Спасибо, значит, договорились.

— Договорились.

Около двенадцати часов я зашла к Юнусову и взяла материалы дела для ознакомления. Изучая доказательную базу, я обнаружила, что в деле подшито совершенно другое заключение о полученных травмах, что уже само по себе было как минимум неприемлемо и ставило под сомнение законность отказа в возбуждении дела, а также стоило выяснить мотив, которым он руководствовался.

Понимая, что времени у меня остается немного, я решила сделать фото страниц дела для дальнейшего сопоставления. Едва закончив с фотографиями, раздался звонок на мой мобильник — это был Соколов. Когда я взяла трубку, услышала всего несколько фраз: «Встречаемся через улицу у заброшенного киоска-мороженого», а затем — гудки. Взглянув на часы, я увидела время начала обеда. Схватив сумку со спинки стула, я закрыла кабинет на ключ и помчалась в условленное место.

Подходя к киоску, я окинула взглядом всю улицу и не могла понять, где майор припарковал свою машину, так как ее нигде не было видно. Тогда вставал резонный вопрос: а на месте ли находится он? Обойдя киоск, я никого не обнаружила, и в этот момент мне снова позвонил Соколов: «Ты на месте?» — спросил он. Я ответила положительно и даже кивнула на автомате. В трубку послышался смешок: «А, всё, вижу, что на месте, переходи через дорогу и иди в сквер, я тебя жду», и снова послышались гудки.

Да что ж за привычка такая — бросать трубку? И зачем было назначать встречу около какого-то занюханного киоска, почему сразу не обозначить конечную точку для встречи? Тут два варианта: он издевается надо мной или сомневается во мне, скорее первое, — уже вслух произнесла я. Подходя к скверу, я просто кипела от злости, и лишь майор всем своим видом излучал спокойствие и умиротворение. Пока я подходила к дальней скамейке, на которой меня ждал Соколов, я заметила, что, видя мое не совсем довольное лицо, майор расплылся в широкой улыбке: по всей вероятности, его забавляла моя реакция на его поведение.

— Привет, — сказал он, вставая со скамейки.

— Ты что, издеваешься? Почему ты сразу не сказал, куда нужно идти? И где твоя машина?

— Ну, знаешь, по скверу на машине ездить запрещено, ну а если тебя так беспокоит ее местонахождение, то она находится во дворе на соседней улице. Как выглядит машина «легенды уголовного розыска», здесь каждая собака знает, не хотелось бы привлекать внимание.

— Ладно, поняла, давай выкладывай, какую информацию еще смог узнать? — деловито спросила я. Майор ухмыльнулся.

— Я тут побеседовал с опером из своего отдела, он работает с «потеряшками», и он мне рассказал, что буквально полгода назад твою Ирину Гросс подавали в розыск. Приходила ее подруга и писала заявление о ее пропаже, они снимали квартиру вместе. Ее не было больше трех дней, и дозвониться ей было невозможно, и так как ее отцу глубоко наплевать на дочь, а других родственников нет, подруга решила просуетиться.

— Так и что дальше? — подняв бровь, спросила я.

— Примерно через неделю в отдел снова явилась всё та же подруга и отозвала заявление, мотивируя тем, что Ирина несколько дней назад ей позвонила и попросила прощения за то, что не предупредила и поехала на отдых с друзьями, так что волноваться не стоит.

— Интересно, а адрес подруги есть? Нужно к ней съездить, — сказала я.

— Я сегодня был у нее, и поверь, если бы не моя природная харизма, она бы даже и разговаривать со мной не стала, — всё так же улыбаясь, сказал майор.

— О да, уверенности в своей непревзойденности вам не занимать, товарищ майор, но давайте оставим дифирамбы в вашу честь на потом. На данный момент меня интересует, что вам рассказала девушка! — ерзя на скамейке от нетерпения, сказала я.

— Знаешь, самое интересное заключается в том, что когда я задал ей вопрос, почему она не хотела со мной разговаривать о ситуации с заявлением, она ответила, что приходил тут ко мне один из ваших и предупредил, что если она не отзовет заявление, ей будет плохо.

Ирина была в ужасном состоянии, вся в синяках и ссадинах. Подруга предложила ей обратиться за медицинской помощью, но Ирина отказалась и попросила не беспокоиться. После возвращения Ирина почти неделю не разговаривала и без надобности не выходила из комнаты, потом вроде понемногу начала приходить в себя. И вот по прошествии нескольких месяцев Ирина все-таки рассказала подруге, что все время своего отсутствия она провела в подвале гаража бывшего ухажера. Все это время он, мягко говоря, издевался над ней, а после того как сорока на хвосте принесла, что поступило заявление о её пропаже, несостоявшийся жених ночью вывез её в лесополосу километрах в двадцати от города и недвусмысленно намекнул, что, если она раскроет рот, то тогда её точно больше никто и никогда не найдет.

— Опять этот ухажер, что же это за зверь такой? — сказала я.

— Думаю, личность злодея будет установить несложно, если заняться этим делом.

— А подруге Ирина случайно не говорила, кто он такой?

— Подруга точно не знает, кто он, но Ирина говорила ей, что он сын какого-то влиятельного чиновника и, что бы он ни делал, ему всё сходит с рук. Именно поэтому девушка перестала даже надеяться на помощь правоохранителей. Еще подруга Ирины сказала, что месяца три назад по приходе домой она застала Ирину в шоковом состоянии, когда та пряталась на кухне под столом в полной темноте. Тогда подругу напрягла эта ситуация: Ирина попросила её выключить свет и осторожно посмотреть в окно, проверить, стоит ли до сих пор под окнами черная иномарка типа внедорожника. По словам подруги, джип уехал примерно через полчаса, и только тогда заплаканная Ирина вылезла из своего убежища. Она сказала соседке, что это был её горе-любовник и ей нужно съезжать с этой квартиры.

Так как Ира с соседкой крепко сдружились, подруга нашла через знакомых ей новую квартиру и навещала её время от времени. В один из таких визитов Ира опять пропала, но теперь уже нашлась в больнице.

— Да уж, история получается не самая приятная, и на простую халатность здесь ничего не спишешь, — почесав лоб, сказала я. — А что ты скажешь, Дима?

— В любом случае вариантов у тебя не слишком много. Если решила прищучить этого гада, то иди напролом и ничего не бойся, иди до конца. Таких, как ваш Юнусов, нужно уничтожать без всяких компромиссов. Собирай доказательства и иди к начальнику следственного, разговаривай с ним, предоставь все, что у тебя есть. Он вроде мужик грамотный, как говорится, старой закалки, и, если предоставить весомые аргументы, думаю, он не станет вставлять палки в колеса.

В этот момент на мой мобильный поступил звонок от Риммы Петровны. Она сообщила мне, что потерпевшая пришла в себя и готова со мной поговорить. Я взглянула на часы: было начало третьего.

— Я так понимаю, тебе нужно в больницу, могу подбросить, — сказал Соболев.

— Это будет очень кстати, спасибо, — ни секунды не колеблясь, ответила я.

— Добрый день, меня зовут Ткач Александра Дмитриевна, я следователь. Ирина, расскажите мне, что с вами случилось?

— Александра Дмитриевна, зачем вам все это? Ведь все равно ничего не будет, его не накажут, а если начнутся какие-то проверки, он меня убьет еще до суда, а спишут все, как обычно, на несчастный случай.

— Нет, как всегда не будет, я вам обещаю, больше этот подонок к вам не притронется, вы можете мне довериться.

Ирина замолчала. Было видно, что сейчас внутри нее идет борьба между тем, чтобы ничего не рассказывать и оставить все как есть, и чувством страха за свою жизнь. Было что-то еще, что беспокоило гораздо больше. Помолчав еще немного, Ирина все-таки решилась на разговор.

— А что с Ильей? Его нашли? С ним все в порядке? — я непонимающе взглянула на девушку.

— О ком вы говорите? — было видно, что беспокойство Ирины нарастало.

— Илья — это парень, живущий со мной по соседству, мой друг, — сказала девушка. — Я уверена, они что-то сделали с ним, я это чувствую. — Было понятно, что еще немного — и у девушки случится истерика; я решила попробовать ее успокоить.

— Ирина, расскажите мне все по порядку, все, что помните и знаете. Будьте уверены, я во всем разберусь, но если вы мне ничего не расскажете, я не смогу вам помочь. — Девушка тяжело дышала, слезы катились градом по ее щекам, она молчала. Тогда я, закрыв блокнот, сказала: — Если вы не готовы к разговору, возможно, мне нужно будет прийти позже, но я не уверена, что этого раньше не сделает Юнусов. — Когда я попыталась встать со стула, девушка вцепилась в меня мертвой хваткой и прошептала: — Нет, не уходите, пожалуйста, я сейчас вам все расскажу.

— Я познакомилась с Олегом несколько лет назад, он был очень внимательным, заботливым, очень нежным, он был моим защитником и опорой. Тогда меня это очень подкупило: ну знаете, мама умерла, отец пьет, больше родственников нет, а мне так хотелось, чтобы меня любили, и вот появился Олег. Через несколько недель после того, как мы познакомились, он меня забрал к себе, и мы стали жить вместе. Сначала у нас все было хорошо, я даже не могла поверить своему счастью, все было как в сказке. Прошло около полугода или немного больше, я заметила, что Олег начал меняться: старые друзья стали меньше с нами общаться, и только Вадик, новый друг, стал приходить все чаще. Одним своим видом он пугал меня до чертей, было в его взгляде что-то звериное. С каждым своим визитом Вадим все больше и больше позволял себе вольностей. Сначала Олег делал ему замечания, а потом перестал, стал вести себя, как будто ничего не происходит. И вот однажды, когда Олега не было дома, пришел Вадик. И когда я открыла ему дверь, чтобы сказать, чтобы он зашел позже, потому что Олега нет, он оттолкнул меня от двери и вошел в квартиру, вел себя по-хозяйски, делал что хотел, будто это он хозяин, раздавал мне указания. А когда я указала ему на дверь, у нас завязалась ссора, во время которой он ударил меня по лицу, а затем ушел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.